

Чертыкова Мария Дмитриевна
Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
г. Абакан, Российская Федерация
chertikova@yandex.ru

Тюркско-монгольские лексические параллели в соматической сфере

Аннотация

Исследование разноуровневых пластов тюркско-монгольских языковых последствий является приоритетной и актуальной областью языкознания. Тюркско-монгольское языковое взаимодействие как отражение реальных исторических процессов общества повлияло на внутреннее содержание языков. Цель данной статьи – выявление и описание семантико-когнитивных особенностей сибирских тюркских и монгольских лексических соответствий в соматической сфере. Материалом для анализа послужили языковые данные из лексикографических источников. Благодаря сравнительно-сопоставительному анализу в тематическом поле соматической лексики в сибирских тюркских и монгольских языках было обнаружено не менее 35 лексических соответствий, которые при внешних фонетических трансформациях сохранили своё содержание. Некоторая часть данного древнейшего и устойчивого пласта лексики получила семантическое развитие в плане многозначности в результате изменения сферы употребления. В сибирских тюркских и монгольских языках метафорические употребления соматизмов чаще встречаются в ландшафтной сфере. Обозначения головы, ребра получили идентичные модели развития своего содержания. Также парные части тела (глаза, брови, руки, локти) традиционно обозначаются формой единственного числа, поскольку в языковом сознании этих народов нейтрализуются понятия парности / цельности / двойственности.

Ключевые слова: сибирские тюркские языки, монгольские языки, лексические параллели, соматизм, полисемия

© Чертыкова М. Д. 2023

Для цитирования: Чертыкова М. Д. Тюркско-монгольские лексические параллели в соматической сфере // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 1. С. 169–179. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_169

Maria D. Chertykova
N. F. Katanov Khakass State University
Abakan, Russian Federation
chertikova@yandex.ru

Turkic-Mongolian lexical parallels in the somatic sphere

Abstract

Examining multi-level layers of the Mongolian-Turkic language interaction consequences is a priority aspect of language studies. Being a reflection of the real historical processes in society, this interaction influenced the internal content of the languages involved. This paper aims to identify and describe semantic and cognitive patterns of correspondences in somatic vocabulary of the Turkic and Mongolian languages. The material selected from lexicographic sources was analyzed using comparative method. As a result, at least 35 lexical correspondences were found in the somatic vocabulary in the Siberian Turkic and Mongolian languages that retained their content despite external phonetic transformations. A number of lexical units from this ancient and stable vocabulary layer developed polysemy in their semantics. It should be noted that often times changes in

semantics were triggered by changes in use. It was found that in the Siberian Turkic and Mongolian languages, metaphorical uses of somatisms are more common in the landscape sphere. The designations of the head and ribs are characterized by identical models of their content development. Also, paired parts of the body (eyes, eyebrows, hands, elbows) are traditionally denoted by the singular form, since the concepts of pairing / wholeness / duality are neutralized in the linguistic consciousness of these peoples.

Keywords: Siberian Turkic languages, Mongolian languages, lexical parallels, somatism, polysemy

© Chertykova M. D. (2023)

For citation: Chertykova, M. D. (2023). Tyurksko-mongol'skie leksicheskie paralleli v somaticheskoy sfere [Turkic-Mongolian lexical parallels in the somatic sphere]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 9 (1), 169–179. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_169

1. Введение [Introduction]

В современной лингвистике наиболее актуальными являются вопросы о тюркско-монгольских языковых взаимоотношениях, которые уходят своими корнями ко временам хунну. Возможность взаимодействия тюркских и монгольских языков в древний период можно констатировать, исходя из факта близкого расположения тюркской и монгольской прародин и территорий дальнейшего развития языков этих народов. Контакты в различных сферах между этими народами отразились в их языках, особенно в тюркских языках Южной Сибири, где явно присутствуют следы монгольского влияния. С большой долей уверенности можно предполагать и наличие обратного воздействия. Однако обсуждения концепций языковой общности, образовавшейся в результате этого длительного взаимодействия неродственных языков [Щербак, 2005] и генетического родства данных языков [Дыбо, 2011], не выработались в единую систему.

Один из сторонников алтайской гипотезы¹, выдающийся учёный-монголовед, В. И. Рассадин, видит выход из создавшейся ситуации в подробном рассмотрении контактов и взаимодействия конкретных языков, входящих в алтайскую семью, например, тюркских и монгольских, тюркских и тунгусо-маньчжурских, монгольских и тунгусо-маньчжурских и т. д., а также в «выявлении в каждом из этих языков бесспорных заимствований из конкретного контактирующего языка» [Рассадин, 2002, с. 263]. Здесь, конечно, речь идёт и о выработке чётких фонетических и морфологических критериев вычленения заимствований в этих языках. Подобные критерии предложены автором в монографии «Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках» [Рассадин, 1980]. А. М. Щербак считает, что исследование алтайской проблемы целесообразнее начинать «... с определения объёма и характера лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Для этого необходимо сопоставить разные тематические группы лексики, проанализировать параллели, выделить и исследовать заимствования и всесторонне оценить соотношение сходных и различающихся слов» [Щербак, 1966, с. 23]. В этом плане труды известных учёных показали, что в наиболее древних и устойчивых лексических группировках слов, относящихся к основному фонду словарного запаса любого языка, содержится большое количество общих для алтайской языковой семьи слов [Щербак, 2005 ; Дыбо, 1985 ; Рассадин, 2007, 2008 ; Бурькин, 2017, 2018 ; Бурькин, Шарина, 2021 и др.].

К таковым относится и соматическая лексика, отражающая строение человеческого тела. Она остаётся семантически неизменной, несмотря ни на какие политические

¹ Данная гипотеза переросла в полноценную теорию в том числе благодаря конструктивной критике Б. А. Серебренникова, в целом её разделявшего, и обширному подтверждающему материалу (см. об этом в обзорной работе [Бурькин, Насилов, 2018]).

и социальные перемены в обществе, и является добротным материалом для сравнительного исследования с целью выявления общих и отличительных особенностей данного пласта лексической системы этих языков. На современном этапе семантическое и когнитивное состояние данного фрагмента лексики в сибирских тюркских и монгольском языках изучено недостаточно. Следовательно, проблема упорядочения современной системы соматической лексики в тюркских и монгольских языках, а также учёта масштабов и последствий этих языковых контактов пока ещё остаётся нерешённой. Обычно в разнотипных языках исследования соматизмов проводятся в рамках фразеологии в лингвокультурологическом и когнитивном аспектах [Одемиш, 2005 ; Букулова, 2006 ; Ренчин, 2010 ; Лиджиева, 2021 и др.]. Такое внимание исследователей к соматизмам как составному компоненту фразеологической единицы объясняется тем, что они содержат своеобразный культурный код, участвующий в восприятии индивидом окружающего мира. Соматические фразеологизмы имеют глубокие исторические корни и являются наиболее употребительной частью в системе фразеологии, поскольку человек познаёт мир через своё тело, т. е. через физиологические ощущения. Человеческое тело является своеобразной органической системой, включающей множество соматических частей, которые связаны между собой определёнными иерархическими путями. Каждая анатомическая подсистема при этом делится на более мелкие субкатегориальные слои. Тем самым соматическая лексика хранит в своём содержании мировосприятие и представление об окружающем мире носителей определённой этнической культуры.

Ц е л ь данной статьи – выявление и описание семантико-когнитивных особенностей сибирских тюркских и монгольских лексических соответствий в соматической сфере. Материалом для анализа послужили языковые данные из лексикографических источников, а также соматическая лексика, представленная в трудах В. И. Рассадина, А. В. Дыбо. Языком-эталоном в контрастном анализе материала выступил хакасский язык, являющийся для автора настоящей статьи родным.

2. Тюркско-монгольские лексические параллели – соматизмы: семантические и грамматические акценты [Turkic-Mongolian parallels of somatisms: Semantic and grammatical aspects]

Упомянутое ранее исследование «Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках» В. И. Рассадина посвящено выявлению в сибирских тюркских языках монголизмов с определением конкретного монгольского языка-источника и примерного проникновения этих заимствований. Автор выявил, что распределение монголизмов по тюркским языкам Сибири неравномерно: их наибольшее количество имеется в якутском языке (около 2500 слов) и в тувинском языке (около 220 слов) [Рассадин, 1980, с. 92]. В исследовании В. И. Рассадина тематически вырисовывается небедный арсенал конкретных лексических категорий, например, названия частей тела человека и животных в хакасском языке: *качар* 'край щеки под глазом', *кичеге* 'коса девушки', *көміске* 'бровь, брови', *омрыг* 'передняя часть груди лошади', *өök* 'брюшная часть шкуры животных', *погана хабырга* 'первое короткое ребро', *пуйла* 'десна', *пулчургай* 'лимфатические железы', *салаа* 'палец, ветка', *саңмай* 'лоб лошади', *саргынчах* 'книжка (часть желудка жвачных)', *сілегей* 'слюна', *сорып* 'шрам, рубец', *сума хабырга*, *сүбе хабырга* 'нижнее хрящевое ребро', *сүүзін* 'сукровица', *таха* 'клок лняной шерсти', *тилээн* (саг.), *төлөн* (кач.) 'селезёнка', *толамыр* 'безымянный палец', *уйа* 'сустав', *хабырга* 'ребро', *хадар* 'слой сала на мясе', *хосханах* 'толстая кишка коровы', *хоты* 'отросток слепой кишки', *хулху* 'ушная сера', *чала* 'гребень у петуха' [Рассадин, 1980, с. 36]. Как видим, в данной подборке автор даёт, в основном, наименования внутренних органов человека и животных. В лексикографических источниках тюркских языков часто встречаются соматиче-

ские термины, касающиеся только животных. При этом отсутствуют указания на наименования аналогичных органов человека, например, в Хакасско-русском словаре: *хосханах* I «анат. то же, что *чочых*; *хой хосханагы* 'овечья толстая кишка'; *хосханах хан* 'кровяная колбаса (приготовленная в толстой кишке)» [ХРС, 2006, с. 853]; *түбек* «анат. 'мошонка у животных'; *хуча түбегі* 'баранья мошонка'» [ХРС, 2006, с. 685]. Думается, подобная языковая картина мира у сибирских тюрков сложилась во взаимосвязи с историческими и этнографическими особенностями их быта и хозяйства. Они испокон веков были скотоводами и вели полукочевой образ жизни, поэтому, возможно, при отсутствии древнейшей традиционной медицины как, например, у китайцев, осознание своих внутренних органов у тюрков-кочевников мотивировано через анатомию животных.

Тюркско-монгольские лексические параллели В. И. Рассадина распределяет по трём группам:

1) относительно поздние монгольские лексические (и морфологические) заимствования в тюркских языках, характеризующиеся довольно чёткими маркирующими их признаками;

2) относительно поздние тюркские лексические (и морфологические) заимствования в монгольских языках, тоже имеющие чёткие маркирующие их характеристики;

3) тюркско-монгольские элементы, которые, с одной стороны, являются общетюркскими, а с другой – представлены в монгольских языках и являются в то же время общемонгольскими [Рассадина, 1980, с. 4]. В целом же лингвисты общую тюркско-монгольскую лексику разделяют на две группы: 1) первичная, восходящая к глубокой древности и 2) вторичная, возникшая в средние века в результате бурных политических и экономических контактов.

Монголизмы в сибирских тюркских языках имеют одинаковые характерные признаки: «... наличие шипящих аффрикат *ж* и *ц*, гласного *и*, ещё не подвергнувшегося перелому, которые позволяют относить их к эпохе Средневековья, а в некоторых случаях (сохранение интервокальных *γ* и *q*, ещё не давших вторичных долгот), как например, *куманд. шыбырган* 'метель, пурга', *шүйү-* 'неводить', зс-тат. *мегелей* 'рукавицы', чул.-тюрк. *серягүн* 'прохладный', алт. *обога* 'куча', *сарбага* 'жеребёнок' и т. п.) и к более ранним, чем XIII–XIV вв., эпохам» [Рассадина, 1980, с. 94]. Проследим данную особенность на примерах соматической лексики:

'лицо' в монг.: *царай*; бур.: *шарай*; калм.: *чиря*; алт.: *чырай*; хак.: *сырай*; тув.: *шырай*; шор.: *шырай*; як.: *сирэй*; тоф.: *ширай* и т. д.

'сердце' в монг.: *зурх*; бур.: *зүрхэн*; калм.: *зүркн*; алт.: *жүрек*; хак.: *чүрек*; тув.: *чүрек*; шор.: *чүрек*; тоф.: *чүрек*; як.: *зүрэх* и т. д.

'десна' в монг.: *буйл*; бур.: *мүйлэ*; калм.: *бүүл*; алт.: *бүүле*; хак.: *пуйла*; тув.: *бүүле*; шор.: *қургақ*; як.: *мишле* и т. д.

Структурная и семантическая близость прослеживается и в других тюркско-монгольских лексических параллелях соматизмов:

'ребро' в монг.: *хавирга*; бур.: *хабиргай / хабһан*; хак.: *хабырга*; алт.: *кабырга*; тув.: *ээги*; як.: *кырыылаа*; шор.: *қабырга* и т. д.

'ступня, стопа' в монг.: *тавхай*; калм.: *тавг*; бур.: *табгай*; хак.: *табан*; алт.: *таман*; шор.: *табан*; тув.: *таваңгай*; як.: *уллаунах* и т. д.

'коленная чашечка' в монг.: *тойг*; халха-монг.: *тойг*; калм.: *төг, төң*; бур.: *тойн*; хак.: *томыш*; алт.: *томык*; тоф.: *тобук*; тув.: *товук*; як.: *тобук* и т. д.

Иногда наблюдается неравномерное распределение монголизмов в тюркских языках Сибири, например, 'брови' только в монг.: *хэмсгөө*; калм.: *кумсг*; хак.: *көміске*. В остальных языках данный соматизм передаётся по-разному: бур.: *нидхэ*; шор.: *кайры*; як.: *хаас*; алт.: *кабак*; тув.: *хавак кирбии*; тоф.: *хабақ* и т. д. Хакасский фонетический вариант лексемы, представленной в последних трёх языках, (*кабак / хавак / хабақ*) – *хабах* обозначает 'веко'.

Относительно обозначения конечностей наблюдается непропорциональное расположение: если лексема *хол / кол* в сибирских тюркских языках выражает значение 'рука': алт.: *кол*; хак.: *хол*; тув.: *хол*; шор.: *қол*; сойот.: *кол*; як.: *илии*, то в монгольских языках фонетические варианты этой же лексемы обозначают 'нога / ноги': монг.: *хөл*; бур.: *хул*; калм.: *көл*. Возможно, такое смещение мотивировано переносным значением, как например, в тофаларском или чувашском: *қол* 'передняя нога животного' (более подробно о реконструкции фонетического облика якутского *илии* и *ел* 'рука' с выпадением начального *g* в кыпчакских языках см. в работах [Мудрак, 1989, с. 217–218; Дыбо, 1985; СИГТЯ, 2001, с. 251]).

Авторы Этимологического словаря, вслед за Г. Вамбери, общетюркскую лексему *азах / айак / атак / ызак / айаг* включают в один ряд с *ат, ау, аз, ар* 'шагать', 'шаг', 'нога', 'опора' и, соответственно, с глагольной формой *алта-* и *ататак* 'ступать, шагать' [ЭТ-СТЯ, 1974, с. 104]. В таком случае наблюдается формальное и семантическое сближение этих слов с монгольскими *алгасах* «1) 'миновать, минуть, оставить, оставлять позади, в стороне, пройти, проходить, проехать, проезжать, объехать, объезжать, пронести'; {...};» [БАМРС, 2001, с. 197] и *аялах* «1) 'собираться в дорогу, укладываться, налаживаться'; {...};» [БАМРС, 2001, с. 325].

В алтайском, тофаларском и тувинском языках, как и в киргизском, уйгурском и кумыкском языках, лексему *азах / айак / атак / ызак / айаг* 'нога' заменяет лексема *бут* 'нога', например, тув.: *бут* «1) 'нога; конечность // ножной'; *бут бажы* 'носок [ноги]; *бут чок* 'безногий'; *бажындан будунга чедир* 'с головы до ног'; загадка: *баишкы буду маңнаан, соңгу буду шошкаан* 'передняя нога – бегом, задняя – галопом' (отгадка: *даараныр машина* 'швейная машина'); *[аарыгны] бут кырынга эрттирер* 'перенести [болезнь] на ногах'; *бут кырынга тургузар* прям. и перен. 'поставить на ноги'; ср. даван; 2) 'ножка (мебели, прибора); 3) основание; 4) отрог (горного хребта)» [ТРС, 1968, с. 81]. В ряде других тюркских языков *пут / бут* обозначает часть ноги – ляжку, бедро, например, хак.: *пут* «1) 'бедро // бедренный'; *ниске пут* 'нижняя часть бедра'; *чоон пут* а) анат. большая бедренная кость; б) верхняя часть бедра; 2) задняя нога (у животных); *мал пуды* 'бедренная часть говядины', разг. 'ляжка'; ♦ *пут хабы* фолькл. 'пantalоны, штаны» [ХРС, 2006, с. 402]. Подобные семантические переходы названий могут быть вызваны «пертурбациями разделочной терминологии, связанными с этнокультурными изменениями (ср. соотношение частей туши по почётности у тюрков и монголы: у монголы самая почётная часть после головы – лопатка, бедро на четвёртом месте; у тюрков – наоборот)» [СИГТЯ, 2001, с. 283].

Внешняя и внутренняя структуры этих соматизмов сохранились, хотя и подверглись закономерным для конкретного языка фонетическим изменениям. При выделении соответствующих критериев устанавливается исконность слова. Например, исследователи склоняются к мысли, что слово *сагал* 'борода' заимствовано из монгольского языка: «монг. *sakal*: ср.-монг. *sahal* 'борода'; <...>; письм.-монг. *saqal, saqlayar, халха saxal, saglagar*; бур. *haxal, haglagar*, калм. *saḡəl, saylāy* (бородатый), *saylä-*; <...>» [СИГТЯ, 2001, с. 223]. Тем самым широко используемая в тюркских языках лексема *ахсагал / аксагал* 'старейшина' имеет тюркско-монгольское происхождение: тюрк. *ах* 'белый; чистый; честный; прекрасный' и монг. *sahal* 'борода'. Другое базовое общетюркское цветообозначение *хара / кара / қара* 'чёрный' функционирует и в монгольских языках. Здесь можно отметить идентичность фитообраза черёмухи в отношении чёрных глаз в тюркском и монгольском мировидении, например, хак.: *хара харахтыг; нымырт харахтыг* (букв. 'с черёмуховыми глазами'); бур.: *хара нюдэтэй*; ♦ *мойһон хара нюдэн* (букв. 'черёмуха чёрный глаз') [ИССХББЯ, 2021, с. 120], монг.: *мойһон хар нүд* 'чёрные как черёмуха глаза' [БАМРС, 2001, с. 215]. Нужно отметить, что в тюркских и монгольских языках лексемы, выражающие парные / двойственные органы тела, при реализации редко принимают показатель множественного числа, возможно, из-за того, что в языковом

представлении тюрков и монголов нейтрализуется понятие целостности и раздельности парных частей тела. В реализации таких парных частей тела, как например, хак.: *хулах* 'ухо; уши', *хол* 'рука; руки', *сыганах* 'локоть; локти' и других обычно используется форма единственного числа. *Абамның харагы чітіг* – '[Мой] отец видит хорошо' (букв. 'у моего отца острый глаз'); бур.: *хурга* 'палец; пальцы'; *хоёр хургасаа* 'до двух пальцев' (о толщине и ширине); *хурга даража тоолохо* 'считать по пальцам'.

Смешанной является система языковой репрезентации пальцев. В большинстве тюркских языков (каз., кырг., ног., башк., тат., кум., карач., уйг., узб., балк. и др.) внешняя оболочка и семантика общего наименования пальца идентичны: *бармақ / бармоқ / пармах / пармак*. Однако в сибирских тюркских языках наблюдается неоднозначная картина: в алт.: *сабар* – «перенос с названия лапы хищного животного, заимствованного из монг.» [Дыбо, 1996, с. 214]; в шор.: и чулым.: *шарбаиш* – «заимствованное из монгольского название кисти руки *šarbaγuc* с уменьшительным суффиксом» [Дыбо, 1996, с. 214], як.: *тарбах* – «... это обозначение производно от глагола *tar-* «разветвляться» и представляет собой тюркско-самодийскую изоглоссу с прасамодийским обозначением кисти, пальцев как коллективного множества *tarka* с тем же исходным значением «разветвления» (см. Janhunen 67)» [Дыбо, 1996, с. 214].

В монгольских же языках используется другое наименование 'палец / пальцы': хур.: *хурхун*; калм.: *хурһн*; бур.: *хурган*. Но ассоциативный элемент расхождения от общей точки в разные направления (разветвления) в семантике монгольского слова *салаа* '1) ответвление; развилина, разветвление'; {...}; *төмөр замын салаа* 'ответвление железной дороги'; 'ветка железной дороги'; *улиангар олон салаа болж ургадаг* 'тополь даёт много ответвлений'; {...}; *салаа гишүү* 'развилистый сук'; {...}»; [БАМРС, 2001, с. 470] лёг в основу тув.: *салаа* «'палец'; *салаа базып санаар* 'считать на пальцах'; \diamond *салаа бажы-биле ажылдаар* 'работать с прохладцей'; *бодунуң беш салаазы дег билир* 'знать как свои пять пальцев'; ср. эргек» [ТРС, 1968, с. 259]; хак.: *салаа* '1) палец; {...}; 2) ветвь, ветка (дерева), сук'; {...}» [ХРС, 2006, с. 434–435]. Однако в якутском языке лексема *салаа* сохраняет только первоначальное значение, связанное с природным ответвлением: *салаа* '1) ветвь, ветка; лист; *харыйа салаалара* 'ветки ели'; *от салаата* а) лист травы; б) травинка; 2) приток, рукав'; {...}; [ЯРС, 1972, с. 310].

Аналоги монгольского обозначения большого пальца – монг.: *эрхий*; бур.: *эрхы*; калм.: *эркә* (хургын) – наличествуют в хак.: *иргек*; тув.: *улу-эргек*; алт.: *эргек* и т. д. Все остальные пальцы имеют отдельные названия, например, хак.: *устыг сала* 'указательный палец', *ортын салаа* 'средний палец', *толамыр* 'безымянный палец', *сымалчых* 'мизинец', за исключением тоф. *эргек* 'палец', где данная лексема участвует в наименовании каждого пальца: 'большой палец (на руке)' *улу-эргек*; 'указательный палец' *айтыр эргек*; 'средний палец' *оуртаа эргек*; 'безымянный палец' *ады йоқ эргек*; 'мизинец' *шемей эргек*» [СТРиРТ, 2005, с. 229].

3. Семантические и метафорические переносы в семантике соматизмов [Semantic and metaphoric transfers in the semantics of somatisms]

Одной из характерных особенностей соматических терминов является их развитая «многозначность, связанная с переносами на названия деталей артефактов, а также на пространственные и ландшафтные термины (и то, и другое типологически естественно). В ряде случаев такая многозначность реконструируется и для пратюркского, а иногда имеет и алтайские параллели» [СИГТЯ, 2001, с. 194]. Одним из наиболее частотных и, соответственно, полисемантическим является наименование головы, хак.: *нас* '1) голова; <...>; 2) начало, исток; <...>; 3) головка чего-либо; <...>; 4) колос <...>; 5) вершина, верхушка; <...>; 6) глава, вожак, руководитель, начальник <...>; 7) единица счёта, голова'; <...>; 8) в знач. служ. имени указывает на время; <...>; 9) с афф. принадл. и с преды-

душшим деепричастием обозначает состояние кого-л., чего-л.; <...>» [ХРС, 2006, с. 348]. Аналогичный состав семантической структуры имеет бурятская лексема *толгой* «(буридэмэл угэнуудые бии болголсодог) 1.1) прям. и перен. 'голова; <...>; 2) парн. к амин; 3) глава, хозяин, руководитель; <...>; 4) вершина чего-л., реже верховье (реки)'; <...>; 5) перен. о предметах, чем-л. напоминающих голову, переводится в зависимости от определения 'кочан, вилок (капусты); головка (луку, чесноку); горелка (у примуса)'; <...>; 2. астр. употр. как единица счёта; <...>» [БРС, 2010, с. 244]. Семантический переход «голова → начальник» прослеживается и в других языках: русск.: *глава города*; нем.: *ein heller Kopf* 'светлая голова' и др. Что касается многозначных лексических параллелей в сибирских тюркских и монгольских языках, то совпадение прямых и переносных значений свидетельствует об их генетическом родстве. «... слово заимствуется в каком-нибудь одном значении, в то время как другие его значения могут развиваться на нём уже самостоятельно на почве заимствующего языка, а это развитие, как правило, идёт в ином направлении, чем в языке источнике» [Шагдаров, 1971, с. 153]. В таких случаях лингвист сталкивается с вопросом заимствования – сложного пути адаптации от экзотизма до полноправной лексемы с особенностями семантической и сочетаемостной структур в языке-реципиенте.

А. В. Дыбо, рассматривая метафорические ландшафтные употребления слов – названий частей тела в тюркских языках, выделяет горный и водный ландшафты и отмечает, что перенос названий частей тела на горный ландшафт наблюдается только в тюркских языках Южной Сибири [Дыбо, 2011, с. 384]. В подтверждение сказанному приведём примеры: хак.: *таг хабьргазы* 'склон горы; косогор; букв. ребро горы', *таг хабьргалирга* 'идти по склону горы'; *арга* '1) спина; 2) перен. хребет (горный), гряда' и др. В монгольском языке переносное значение лексемы *хавирга* 'ребро' – 'выступ горы между ущельями, долинами; отрог, склон'; *уулын хавирга* 'склон горы'; *Эрээн хавирга* 'гора Тяньшань'; *хажуу хавиргаар нь явах* 'ехать стороною' [БАМРС, 2001, с. 856]. Такая система метафоризации обусловлена «контактами с обитающими на соседних территориях монгольскими языками; относительно монгольских особенностей антропоморфного представления ландшафта гора рассматривается как стоящий человек, ориентированный спиной к северу; <...>; видимо такая метафоризация напрямую связана с представлением о духе – хозяине горы» [Дыбо, 2011, с. 384–385].

В хакасском языке общетюркская лексема *нас* 'голова' в переносном значении может выражать точку в пространстве: *аал пазы* 'край села', букв. 'голова деревни', *соор пазы* 'передняя часть саней', букв. 'голова саней'; *таг пазы* 'вершина горы', букв. 'голова горы'. Оппозитивное местонахождение объекта может выражаться при помощи соматизма *азах* 'нога': *аал азагы* 'край деревни', букв. 'нога деревни' и др. При этом «голова» или «нога» деревни определяется в зависимости от направления течения реки. Данная особенность использования соматизмов в определении местонахождения объекта имеет универсальный характер в разноструктурных языках.

А. В. Дыбо также отмечает метафорические переносы соматизмов в наименованиях частей повозки. «Это тув. *qulaq*, як. *qulgāx* 'гуж хомута' (< 'ухо'); як. *сунах* 'полозья саней' (< 'скула'); **parŋak* 'палец, пальцы' > 'спицы колеса' – тур., гаг., аз.; **dyrŋak* 'ноготь, коготь' > 'ось колеса арбы' – туркм. диал., 'зубья в полозьях саней' – тат. диал.; **kökrek* 'грудная клетка' > 'кузов телеги' – турк. диал., 'передок арбы' – узб. диал., 'корпус телеги' – башк. диал., 'подушка телеги' – тат., башк.; **kīn*, **kīntik* 'пупок' > 'брус в основании арбы' – узб., 'сердечник у телеги' – чув. диал.; **tāpan* ' подошва, ступня' > 'полоз саней' – гаг., башк., алт., хак., чув., 'обод колеса' – аз. диал., уйг. диал. Ср. также детали других транспортных средств – луку седла (< **kāš* 'бровь') – фактически общетюркский перенос, в этом значении слово заимствовано в перс. *gāš*; **em-ček* 'сосок' > 'шип на подкове' – башк. Безусловно, за этим классом метафор просматриваются совершенно определённые культурно-исторические причины» [Дыбо, 2011, с. 384].

4. Заключение [Conclusion]

Тюркско-монгольское взаимодействие языков – это яркий пример смешения языков в результате многовековых контактов народов в различных сферах жизнедеятельности. Такие языковые контакты влияют на фонетику, морфологию языков, внося определённые изменения, а также воздействуют на целые ярусы лексической системы. Предпринятая попытка описания тюркско-монгольских лексических параллелей – соматизмов – показала почти полное их семантическое тождество, за исключением некоторых неравномерных распределений. Также обнаружен сдвиг в семантике слов, обозначающих конечности. Проведённое исследование выявило не менее 35 тюркско-монгольских лексических соответствий в соматической сфере. К общим лексическим особенностям соматизмов были отнесены: а) обозначения формой единственного числа парных частей тела; б) метафорические переносы в семантике отдельных соматизмов, распространяющиеся на ландшафтные и пространственные смыслы в сочетательном потенциале; в) модели развития содержания обозначений головы и ребра. Для некоторых единиц зафиксировано изменение сферы употребления и, как следствие, – развитие многозначности. В тематической группе соматизмов в рассматриваемых языках содержится ещё немало неизученных, неразгаданных аспектов. Исследования таких фрагментов лексической системы в этих языках имеют хороший потенциал и открывают новые возможности для лингвистического анализа в семантическом, этимологическом и лингвокультурологическом аспектах.

Список сокращений и условных обозначений

аз. – азербайджанский язык; алт. – алтайский язык; балк. – балкарский язык; башк. – башкирский язык; бур. – бурятский язык; гаг. – гагаузский язык; зс-тат. – язык западно-сибирских татар; каз. – казахский язык; калм. – калмыцкий язык; карач. – карачаевский язык; кач. – качинский диалект; к.-калп. – каракалпакский язык; куманд. – кумандинский диалект; кум. – кумыкский язык; кырг. – кыргызский язык; монг. – монгольский язык; нем. – немецкий язык; ног. – ногайский язык; саг. – сагайский диалект; сойот. – сойотский язык; ср.-монг. – средне-монгольский язык; тат. – татарский язык; тоф. – тофаларский язык; тув. – тувинский язык; тур. – турецкий язык; турк. – туркменский язык; узб. – узбекский язык; уйг. – уйгурский язык; хак. – хакасский язык; халха-монг. – халха-монгольский язык; чув. – чувашский язык; чул.-тюрк. – язык чулымских тюрков; чулым. – чулымский язык; як. – якутский язык; шор. – шорский язык.

Библиографический список

- БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь в четырех томах. Ок. 70000 слов / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М. : ACADEMIA. 2001. 2007 с.
- БРС – Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь. В 2-х т. Т. II : О-Я. Улан-Удэ : Республиканская типография, 2010. 708 с.
- Букулова, 2006 – Букулова М. Г. Соматическая фразеология тюркских языков: на материале турецкого языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 ; Ин-т языкознания РАН. М., 2006. 24 с.
- Бурыкин, 2017 – Бурыкин А. А. Об объеме и характере тюрко-монгольских и тюрко-тунгусо-маньчжурских лексических связей в новой перспективе: роль теории родства алтайских языков для выявления древних языковых контактов // Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Вестник КИГИ РАН). 2017. Vol. 33, Iss. 5. P. 190–198. <https://doi.org/10.22162/2075-7794-2017-33-5-190-198>
- Бурыкин, 2018 – Бурыкин А. А. Тюрко-монгольские и тюрко-тунгусо-маньчжурские лексические связи в новой перспективе: возможности алтайской теории для выявления древних языковых контактов // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2018. Вып. 4, № 4. С. 5–26. https://doi.org/10.22250/24107190_2018_4_4_5_26

- Бурыкин, Насилов, 2018 – Бурыкин А. А., Насилов Д. М. Б. А. Серебренников как тюрколог компаративист и проблемы алтаистики // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2018. Вып. 4, № 3. С. 5–17. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2018_4_3_5_17
- Бурыкин, Шарина, 2021 – Бурыкин А. А., Шарина С. И. Словообразование имён числительных в тунгусо-маньчжурских языках // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 3. С. 52–68. https://10.22250/2410-7190_2021_7_3_52_68
- Дыбо, 1985 – Дыбо А. В. К праалтайской реконструкции названий частей тела // Теория и практика этимологических исследований. М., 1985. С. 82–93.
- Дыбо, 1996 – Дыбо А. В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс). М. : Школа Языки русской культуры. 1996. 390 с.
- Дыбо, 2011 – Дыбо А. В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии: лексика конкретного словаря // Слово и язык : сб. ст. к восьмидесятилетию Ю. Д. Апресяна. М. : Языки славянских культур. 2011. С. 359–391.
- ИССХББЯ, 2021 – Чертыкова М. Д., Цыренов Б. Д., Каксин А. Д. Идеографический словарь синонимов хакасского, бурятского и хантыйского языков (языковая модель человека). Абакан : Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2021. 204 с.
- Лиджиева, 2021 – Лиджиева А. С. Семантика соматизмов в составе фразеологизмов (на материале калмыцкого языка и языка ойратов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 ; Калмыцкий гос. ун-т им. Б. Б. Городовикова. М., 2021. 34 с.
- Мудрак, 1989 – Мудрак О. А. Специфические дробления консонантных рефлексов в чувашском // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. М., 1989. Ч. I. С. 216–222.
- Одемиш, 2005 – Одемиш З. Тюрко-монгольские элементы в турецком и тюркских языках Южной Сибири : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.02 ; Бурятский гос. ун-т. М., 2005. 32 с.
- Рассадин, 1980 – Рассадин В. И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М. : Наука, 1980. 115 с.
- Рассадин, 2002 – Рассадин В. И. К характеристике тюрко-монгольских языковых отношений // VIII Международный конгресс монголоведов, Улан-Батор, 5–12 августа 2002. М., 2002. С. 263–269.
- Рассадин, 2007 – Рассадин В. И. Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Ч. I : Тюркское влияние на лексику монгольских языков. Элиста, 2007. 165 с.
- Рассадин, 2008 – Рассадин В. И. Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Ч. II. Монгольское влияние на лексику тюркских языков. Элиста : Изд-во Калмыцкого ун-та. 2008. 243 с.
- Рэнчин, 2010 – Рэнчин Б. Отображение универсальных и этноспецифических черт языковой картины мира во фразеологических фондах английского, русского и монгольского языков (на материале фразеологизмов – соматизмов и зоонимов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 ; Саратовский гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. Саратов, 2010. 25 с.
- СИГТЯ, 2001 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. 2-е изд., доп. / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М. : Наука. 2001. 822 с.
- СТРиРТ, 2005 – Рассадин В. И. Словарь тофаларско-русский и русско-тофаларский : учеб. пособие. СПб. : Дрофа, 2005. 295 с.
- ТРС, 1968 – Тувинско-русский словарь: около 22.000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева. М. : Советская энциклопедия, 1968. 646 с.
- ХРС, 2006 – Хакасско-русский словарь – Хакас – орыс сѳстигі: около 22 тыс. слов / под общ. ред. О. В. Субраковой. Новосибирск : Наука, 2006. 1114 с.
- Шагдаров, 1971 – Шагдаров Л. Д. О развитии переносных значений в словах, общих некоторым тюркским и монгольским языкам // Проблема общности алтайских языков : сб. ст. / отв. ред. О. П. Суник. Л. : Наука, 1971. С. 151–159.
- Щербак, 1966 – Щербак А. М. О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков // Вопросы языкознания. 1966. № 3. С. 21–35.
- Щербак, 2005 – Щербак А. А. Тюркско-монгольские языковые контакты в истории монгольских языков. СПб. : Наука, 2005. 195 с.

- ЭСТЯ, 1974– Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на гласные). М. : Наука, 1974. 767 с.
- ЯРС, 1972 – Якутско-русский словарь: 25300 слов / под ред. П. А. Слепцова. М. : Советская энциклопедия. 1972. 568 с.

References

- Pyurbeev, G. Ts. (Ed.). (2001). *Bol'shoy akademicheskiy mongol'sko-russkiy slovar'* (BAMRS) [The Great Academic dictionary of Mongolian and Russian]. In 4 volumes. Around 70000 words. Moscow : ACADEMIA Press.
- Shagdarov, L. D., Cheremisov, K. M. (2010). Buryaad-orod toli. Buryatsko-russkiy slovar' (BRS) [Buryaad-orod toli. Buryat-Russian dictionary]. In 2 volumes. Vol. II : O-Ya. Ulan-Ude : Respublikanskaya Press. (In Buryat and Russ.).
- Bukulova, M. G. (2006). *Somaticheskaya frazeologiya tyurkskikh yazykov: na materiale turetskogo yazyka* [Somatic phraseology of Turkic languages: Based on Turkish]. Author's abstract of PhD in Philological sci. dis. Moscow. (In Russ.).
- Burykin, A. A. (2017). Ob ob"eme i kharaktere tyurko-mongol'skikh i tyurko-tunguso-man'chzhurskikh leksicheskikh svyazey v novoy perspektive: rol' teorii rodstva altayskikh yazykov dlya vyyavleniya drevnikh yazykovykh kontaktov [About the amount and nature of Turkic-Mongolian and Turkic-Tungusic lexical relations in a new perspective: The role of the Theory of genetic relationship of the Altaic languages in the identification of ancient language contacts]. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences*, 33 (5), 190–198. <https://doi.org/10.22162/2075-7794-2017-33-5-190-198>
- Burykin, A. A. (2018). Tyurko-mongol'skie i tyurko-tunguso-man'chzhurskie leksicheskie svyazi v novoy perspektive: vozmozhnosti altayskoy teorii dlya vyyavleniya drevnikh yazykovykh kontaktov [New perspective of Turkic-Mongolian and Turkic-Tungus-Manchu lexical links: The Altaic theory possibilities for revealing ancient language contacts]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 4 (4), 5–26. https://doi.org/10.22250/24107190_2018_4_4_5_26
- Burykin, A. A., Nasilov, D. M. (2018). B. A. Serebrennikov kak tyurkolog komparativist i problemy altaistiki [B. A. Serebrennikov as turkologist comparativist and problems of Altaic studies]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 4 (3), 5–17. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2018_4_3_5_17
- Burykin, A. A., Sharina, S. I. (2021). Slovoobrazovanie imen chislitel'nykh v tunguso man'chzhurskikh yazykakh [Word building patterns of numerals in Tungus Manchu languages]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 7 (3), 52–68. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_3_52_68
- Dybo, A. V. (1985). K praaltayskoy rekonstruktsii nazvaniy chastey tela [Pra-Altai reconstruction of body parts names]. *Teoriya i praktika etimologicheskikh issledovaniy* [Etymological studies: Theory and practice] (pp. 82–93). Moscow. (In Russ.).
- Dybo, A. V. (1996). *Semanticheskaya rekonstruktsiya v altayskoy etimologii. Somaticheskie terminy (plechevoy poyas)* [Semantic reconstruction in the Altai etymology. Somatic terms (Shoulder girdle)]. Moscow : Shkola Yazyki russkoy kul'tury Press. (In Russ.).
- Dybo, A. V. (2011). *Semanticheskaya rekonstruktsiya v altayskoy etimologii: leksika konkretnogo slovarya* [Semantic reconstruction in the Altai etymology: Lexis] (pp. 359–391). Slovo i yazyk [Word and language] : A collection of papers in honor of Yu. D. Apresyan's 85th anniversary. Moscow : Yazyki slavyanskikh kul'tur Press. (In Russ.).
- Chertykova, M. D., Tsyrenov, B. D., Kaksin, A. D. (2021). *Ideograficheskiy slovar' sinonimov khakasskogo, buryatskogo i khantyyskogo yazykov (yazykovaya model' cheloveka)* [Idiographic dictionary of synonyms in Khakas, Buryat and Khanty (Language model of a human)] (ISSKhBBYa). Abakan : Khakassian State University named after N. F. Katanov Press.
- Lidzhieva, A. S. (2021). *Semantika somatizmov v sostave frazeologizmov (na materiale kalmytskogo yazyka i yazyka oyratov)* [The semantics of somatisms as parts of phraseological units (Based on Kalmyk and Oirat)]. Author's abstract of PhD in Philological sci. dis. Moscow. (In Russ.).

- Mudrak, O. A. (1989). Spetsificheskie drobeniya konsonantnykh reflektsov v chuvashskom [Specific splits of consonant reflexes]. *Lingvisticheskaya rekonstruktsiya i drevneyshaya istoriya Vostoka* [Linguistic reconstruction and the ancient history of the East]. (Part I, pp. 216–222). (In Russ.).
- Odemish, Z. (2005). Tyurko-mongol'skie elementy v turetskom i tyurkskikh yazykakh Yuzhnoy Sibiri [Turkic-Mongolian elements in Turkish and the Turkic languages of South Siberia]. Author's abstract of PhD in Philological sci. dis. Moscow. (In Russ.).
- Rassadin, V. I. (2007). *Ocherki po istorii slozheniya tyurko-mongol'skoy yazykovoy obshchnosti. Ch. I: Tyurkskoe vliyanie na leksiku mongol'skikh yazykov* [Essays on the history of forming Turkic-Mongolian language community. Part I: Turkic influence on the Mongolian languages lexis]. Elista.
- Rassadin, V. I. (2008). *Ocherki po istorii slozheniya tyurko-mongol'skoy yazykovoy obshchnosti. Ch. II. Mongol'skoe vliyanie na leksiku tyurkskikh yazykov* [Essays on the history of forming Turkic-Mongolian language community. Part II: Mongolian influence on the Turkic languages lexis]. Elista: Kalmyk State University Press. (In Russ.).
- Rassadin, V. I. (1980). *Mongolo-buryatskie zaimstvovaniya v sibirskikh tyurkskikh yazykakh* [Mongolian-Buryat borrowings into the Siberian Turkic languages]. Moscow: Nauka Press. (In Russ.).
- Rassadin, V. I. (2002). K kharakteristike tyurko-mongol'skikh yazykovykh otnosheniy [The specifics of Turkic-Mongolian language relations]. *VIII Mezhdunarodnyy kongress mongolovedov* [VIII International Congress of Mongolian studies], August 5–12, Ulan-Bator (pp. 263–269). Ulan-Bator (In Russ.).
- Renchin, B. (2010). Otobrazhenie universal'nykh i etnospetsificheskikh chert yazykovoy kartiny mira vo frazeologicheskikh fondakh angliyskogo, russkogo i mongol'skogo yazykov (na materiale frazeologizmov – somatizmov i zoonimov) [Reflecting universal and specific patterns of the language picture of the world in the phraseology of English, Russian and Mongolian languages (Based on somatisms and zoonyms)]. Author's abstract of PhD in Philological sci. dis.; Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov. Saratov. (In Russ.).
- Tenishev, E. R. (2001). *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika (SIGTYA)* [Comparative historical grammar of Turkic languages. Lexis]. 2nd edn. Moscow: Nauka Press. (In Russ.).
- Rassadin V. I. (2005). *Slovar' tofalarsko-russkiy i russko-tofalarskiy (STRiRT)* [Tofa-Russian and Russian-Tofa dictionary]: A coursebook. St Petersburg: Drofa Press.
- Tenishev, E. R. (Ed.). (1968). *Tuvinsko-russkiy slovar' (TRS)* [Tuvan-Russian dictionary]: About 22.000 words. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Press.
- Subrakova, O. V. (Ed.). (2006). *Khakassko-russkiy slovar' (KhRS) – Khakas – orys söstigi* [Khakas-Russian dictionary]: About 22 thousand words. Novosibirsk: Nauka Press.
- Shagdarov, L. D. (1971). *O razvitiy perenosnykh znacheniy v slovakh, obshchikh nekotorym tyurkskim i mongol'skim yazykakh* [The development of figurative means in words common to some Turkic and Mongolian languages]. In O. P. Sunik (Ed.), *Problema obshchnosti altayskikh yazykov* [The problem of the Altai languages similarity] (pp. 151–159). Leningrad: Nauka Press. (In Russ.).
- Sčerbak, A. A. (2005). *Tyurksko-mongol'skie yazykovye kontakty v istorii mongol'skikh yazykov* [Turkic-Mongolian contacts in the history of Mongolian languages]. St Petersburg: Nauka Press. (In Russ.).
- Sčerbak, A. M. (1966). O haraktere leksicheskikh vzaimosvyazey tyurkskikh, mongol'skikh i tungusoman'chzhurskikh yazykov [The character of lexical interrelations of Turkic, Mongol and Tungus-Mandchur languages]. *Voprosy yazykoznanija* [Topic in the Study of Language], 3, 21–35. (In Russ.).
- Sevortyan, E. V. (1974). *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov (obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye) (ESTYa)* [Etymological dictionary of Turkic languages (Common Turkic and inter-Turkic stems with vowels)]. Moscow: Nauka Press.
- Sleptsov, P. A. (Ed.). (1972). *Yakutsko-russkiy slovar' (YaRS)* [Yakut-Russian dictionary]: 25300 words / pod re. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Press.